

Глава 3. На вершине Запретного города

Просмотрев с десяток предложений, Цзинь Цин так и не наткнулся на сценарий, способный зацепить его внимание. С одной стороны, его взгляды разительно отличались от вкусов нынешней публики, с другой — скромный статус начинающего актера закрывал ему дорогу в мир по-настоящему масштабных и дорогих проектов.

От нечего делать он включил голографический экран, впервые вживую наблюдая за чудом технологий будущего — объемным трехмерным изображением, которое казалось абсолютно реальным.

— Год назад в одном из древних захоронений археологи обнаружили бесценные бумажные манускрипты, — вещал диктор приятным, поставленным голосом. — После года кропотливой работы специалистам удалось восстановить один из томов. Это классический художественный роман, созданный несколько тысячелетий назад. Нам стало известно, что права на экранизацию книги уже выкупил один из ведущих режиссеров Федерации, и в ближайшее время начнутся съемки. Чтобы сохранить первозданный колорит произведения, к работе привлекли более десятка ведущих экспертов по древней литературе. Следите за эфиром «Новостей Федерации», мы продолжим держать вас в курсе событий.

Роман, написанный несколько тысяч лет назад...

"Несколько тысяч лет назад... Похоже, это как раз моя эпоха"

— Старшая сестра Яо, присмотришь, пожалуйста, к этому проекту, — попросил Цзинь Цин.

Яо Чжэньни, оторвавшись от изучения очередного вороха сценариев, взглянула на экран. Успев заметить лишь бегущую строку внизу, она искренне удивилась:

— С чего вдруг такой интерес к древней литературе? Да, экранизации классики всегда окружены шумихой, но широкая публика от них обычно не в восторге.

Как между людьми разных поколений неизбежно возникает недопонимание, так и между эпохами порой пролегает непреодолимая культурная пропасть.

— И все-таки я бы хотел попробовать, — серьезно произнес юноша.

Он никогда не отличался капризным или упрямым нравом, однако прекрасно понимал: чтобы получить достойную роль, нужно уметь аргументированно отстаивать свою позицию перед агентом.

В его мягком, но настойчивом голосе сквозила такая искренность, что Яо Чжэньни невольно замялась. В голове на секунду воцарилась странная пустота. Придя в себя, она внутренне

изумилась: этот парень вовсе не так прост и наивен, как казалось поначалу. Напротив, он четко видел свою цель и обладал редким даром убеждения, способным обезоружить любого собеседника.

Чжэньни не сомневалась: скажи она сейчас твердое «нет», и этот юноша отыскал бы тысячу и один аргумент, чтобы заставить ее передумать.

— Ну хорошо, раз ты так настроен — давай попробуем, — сдалась она. — Я соберу всю информацию по этому проекту.

Спустя несколько дней пресса наконец озвучила имя таинственного покупателя. Им оказался мэтр фантастического кинематографа, один из самых влиятельных режиссеров Федерации — Винсент.

О режиссере Винсенте в Федерации знали буквально все. Его дебютной работой стала скромная малобюджетная лента об отношениях человека и робота. Вопреки скромным ожиданиям, сразу после премьеры на картину обрушился шквал восторженных отзывов. В прокате фильм собрал колоссальные двадцать миллиардов федеральных кредитов, став эталоном коммерческого успеха при минимальных затратах. Актер, исполнивший главную роль, мгновенно проснулся знаменитым, его гонорары взлетели до небес, и сегодня он по праву носит статус суперзвезды межзвездного масштаба.

Для съемок второй картины Винсент пошел на огромный риск: он выступил единоличным инвестором, вложив в производство всю чистую прибыль от первого фильма. Ставка на зрелищность и масштабные космические сражения полностью себя оправдала — фильм привлек совершенно иную аудиторию, жаждущую адреналина и ярких эмоций. Всего за месяц проката в Федерации лента собрала сто миллиардов кредитов, а финальные сборы и вовсе остановились на астрономической отметке в триста двадцать миллиардов.

Третья, четвертая, пятая работы... Каждый последующий фильм Винсента неизменно становился триумфом. Режиссер упорно продолжал работать по старой схеме: сам финансировал съемки и сам же забирал всю прибыль от проката, не желая зависеть от капризов крупных студий.

Спустя десять лет Винсент прочно закрепился на вершине режиссерского олимпа. Стоило ему лишь заикнуться о новом проекте, как выстраивалась очередь из звезд первой величины, мечтающих получить хотя бы эпизодическую роль.

Сама по себе старинная проза мало кого прельщала, но стоило всплыть имени Винсента, как даже скептически настроенные актеры начали лезть из кожи вон, лишь бы зацепиться за этот проект. Никого не волновало, насколько жизнеспособным окажется сюжет; сам факт работы с культовым режиссером гарантировал колоссальное внимание прессы и публики по всей Федерации.

— Мир сошел с ума! Просто сошел с ума! — тяжело дыша, Яо Чжэньни ворвалась в комнату и

взмахнула зажатými в руке распечатками. — Они там все с катушек слетели? Какая-то полузабытая древняя повесть, а вокруг нее устроили настоящую бойню!

Цзинь Цин лишь безмятежно улыбнулся в ответ. Все эти дни он безвылазно сидел дома, но отголоски бури, поднявшейся вокруг кастинга, доносились и до него.

— Похоже, авторитет господина Винсента творит настоящие чудеса, — заметил он.

Юноша вальяжно устроился на диване, поджав под себя одну ногу. Он весь как-то обмяк, словно лишился костей, и от прежней пленительной, загадочной ауры не осталось и следа. Если не принимать во внимание безупречные черты лица, сейчас он выглядел самым обычным парнем — ленивым, расслабленным и совершенно равнодушным к мирской суете.

Яо Чжэньни мысленно закатила глаза. Еще пару дней назад она всерьез беспокоилась из-за пугающего магнетизма своего подопечного — агенту ведь не положено терять голову при виде артиста. Теперь же ей хотелось лишь со вздохом прикрыть лицо ладонью. Стоило между ними растаять льду первоначальной неловкости, как наружу выползла истинная натура Цзинь Цина — ленивая до невозможности.

Если можно сидеть — он ни за что не встанет, если можно прилечь — не останется сидеть. Без крайней необходимости он и пальцем не пошевелит, а уж если уснет — пушечным выстрелом не разбудишь...

Отгнав неуместные мысли, Чжэньни опустилась на кресло напротив юноши и протянула ему добытые с колоссальным трудом распечатки.

— Это древний роман о мастерах боевых искусств — то, что у предков называлось жанром «уся». Винсент намерен перенести его на большой экран. Причем, отдавая дань уважения оригиналу, он хочет показать в фильме буквально каждого персонажа, чье имя вообще упоминается в тексте. Специально для этого группа историков сейчас по крупицам восстанавливает уцелевшие фрагменты манускриптов, чтобы воссоздать каноничные образы героев.

Цзинь Цин принял бумаги и бегло ознакомился с содержимым.

Впрочем, назвать это полноценным сценарием было трудно: претендентам на эпизодические роли раздали обычный перечень имен. Ни тебе краткого описания характера, ни хотя бы примерного наброска сюжета. Актерам предлагалось вслепую выбрать понравившееся имя, а затем исключительно на основе собственной интуиции попытаться нащупать образ и представить его на кастинге.

Для любого другого актера подобная задача стала бы неразрешимым ребусом. Но в руках Цзинь Цина сухой список ожил. За каждым иероглифом для него стояло не просто имя, а целая вселенная — грандиозное, глубокое и цельное повествование, куда более полное, чем то,

которым располагали сам режиссер и его команда сценаристов.

«Решающая битва на вершине Запретного города» — гласил заголовок на титульном листе.

До боли знакомое словосочетание. Поначалу Цзинь Цин еще сомневался, о какой именно из историй пойдет речь, но стоило ему заметить одно конкретное имя, как мозаика сюжета мгновенно сложилась воедино.

Хуа Маньлоу.

Дом, утопающий в цветах. Хуа Маньлоу питал к прекрасным бутонам такую же искреннюю, чистую нежность, с какой относился к любой живой душе в подлунном мире.

Лишенный зрения, он ценил и любил жизнь сильнее, чем любой зрячий.

Он был верным другом Лу Сяофэна, они вместе делили радости и невзгоды с самого детства. Казалось бы, ему место в рядах главных героев, но в кастинг-листе его имя сиротливо ютилось в списке эпизодических ролей. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: в главе «Перед решающей битвой и после нее» сам Хуа Маньлоу не появлялся, а лишь незримо присутствовал в мыслях и речах своего друга.

Шелковых лент, служивших пропусками в Запретный город на великий поединок, было ничтожно мало, но Лу Сяофэн упрямо продолжал искать способ раздобыть заветный шелк для своего незрячего друга.

Кто бы мог подумать, что спустя тысячи лет, в немыслимо далеком будущем, он вновь соприкоснется с великим наследием своей эпохи. Цзинь Цин едва слышно вздохнул. Быть может, эта картина суждена ему для того, чтобы он смог окончательно отпустить свое прошлое и примириться с настоящим.

Яо Чжэньни внимательно наблюдала за подопечным. Сколько они были знакомы, она ни разу не видела на его лице такого выражения. Светлая грусть, глубокое раздумье, затаенная тоска — подобные эмоции никак не вязались с обликом восемнадцатилетнего юноши. Но, вопреки логике, они смотрелись на его лице поразительно гармонично.

У каждого человека есть свои тайны, и возраст здесь не играет никакой роли.

— Я хочу пойти на эти пробы, — Цзинь Цин поднял на нее взгляд, бережно поглаживая подушечками пальцев гладкие листы с текстом. — Устрой мне прослушивание, старшая сестра Яо.

Встретить родные, до боли знакомые имена в чужом, непостижимом мире будущего — разве это не было перстом судьбы?

Яо Чжэньни молча кивнула. Еще тогда, когда он впервые заговорил об этой затее, она поняла, что отговаривать его бесполезно.

— На какую роль нацелился? — спросила она и, решив пояснить свой практичный подход, добавила: — Попасть к Винсенту — задача запредельной сложности. Нам нужно бить в одну точку. Если мы выберем один конкретный образ и сосредоточимся на нем, шансов пробиться будет гораздо больше, чем если мы станем заявляться на все подряд.

— Вот этот, — Цзинь Цин указал на строчку в самом низу листа. — Хуа Маньлоу.

Яо Чжэньни мысленно выдохнула. Список был выстроен по старшинству ролей: чем ниже позиция, тем меньше экранного времени отводилось персонажу.

— Пожалуй, это разумно, — согласилась она. — На эпизодическую роль пробиться проще всего. Хорошо, я свяжусь со съемочной группой и все разузнаю.

Она уже встала, собираясь уходить, но любопытство все же взяло верх:

— И все-таки, почему именно он? Чем тебя зацепил этот персонаж?

Цзинь Цин тепло улыбнулся, выглядя при этом искренне весёлым:

— Наверное... просто имя уж очень красивое.

Чжэньни обернулась и, поглядев на его обезоруживающую улыбку, покачала головой:

— Все-таки ты еще сущий ребенок. Капризный и упрямый. — Она и сама не удержалась от смеха, чувствуя, как улетучивается последнее напряжение.

В ту же секунду на ее персональном терминале вспыхнул входящий вызов. Она удивленно скользнула пальцем по экрану, принимая вызов.

— Слушаю. Да, это агент Цзинь Цина.

— Из съемочной группы «Жизнь нельзя прожить заново»? — Чжэньни слегка нахмурилась, припоминая обстоятельства его прошлой работы, но уже в следующее мгновение она торжествующе улыбнулась.

— Вы считаете, что Цзинь Цин прекрасно справился, и хотите доснять с ним еще несколько сцен?

— К сожалению, вынуждена вам отказать. У Цзинь Цина сейчас очень плотный график, к тому же ему необходимо вернуться к занятиям в академии. Боюсь, выкроить время для вашего проекта мы физически не сможем.

— Да, всего хорошего. Надеюсь, нам еще представится возможность поработать вместе.

Завершив разговор, она с лукавой улыбкой перевела взгляд на юношу:

— Что ж, поздравляю. Похоже, нашлись-таки знатоки, сумевшие разглядеть в тебе породистого скакуна.

Цзинь Цин удивленно приподнял бровь:

— Позвольте, но мой герой там ведь благополучно разбился насмерть? — Он отлично помнил финал своей первой роли в этом мире.

— Нашу публику это мало волнует! — фыркнула Чжэньни. — Ради рейтингов и зрительской любви режиссеры готовы воскресить персонажа, даже если от него мокрого места не осталось. Но поскольку местный постановщик изначально относился к тебе предвзято, я посчитала правильным утереть ему нос и отказать.

Впрочем, не ладилась отношения не только с режиссером. Чэнь Юнь после той совместной работы тоже поставила на способностях Цзинь Цина крест, хотя для нее самой этот сериал обернулся настоящим трамплином к славе.

Цзинь Цин на секунду задумался, припоминая специфику здешней индустрии. Этот сериал транслировался в еженедельном формате, а значит, сюжет кромсали и перекраивали прямо на ходу, подстраиваясь под капризы аудитории. В свое время режиссер так спешил избавиться от несчастного Но-но именно из-за волны зрительского недовольства. Но теперь капризная толпа внезапно сменила гнев на милость...

Как он и предполагал, свежая серия «Жизнь нельзя прожить заново» спровоцировала небывалый скачок рейтингов. Пик просмотров пришелся аккурат на трагический полет его героя в бездну. Осознав, что милашку Но-но вывели из сюжета насовсем, потрясенные зрители ринулись штурмовать официальную страницу сериала в Вэйбо.

«Но-но был таким беззащитным! Как у вас только рука поднялась его убить?!»

«Уже два дня не сплю нормально, перед глазами то и дело встает его прыжок в пропасть. Реву навзрыд, бедный мой Но-но!»

«Бездушный режиссер! Живодеры-сценаристы! Но-но погиб, больше я эту дешевку смотреть не стану!»

«Но-но был таким лапочкой, такой невероятный красавчик-пустышка! Сложно было оставить его в кадре просто для красоты?!»

«А ведь Цзинь Цин сыграл просто гениально! Вы только посмотрите на его взгляд в последнюю секунду перед падением... [гифка]»

«Плюс один к актерской игре!»

«Плюс два!»

«Плюс миллион!»

На сетевых форумах вовсю спорили о его внешности и таланте. Цзинь Цин стремительно завоевывал признание среди ценителей, медленно, но верно формируя собственную преданную фан-базу. Впрочем, самого виновника торжества виртуальные бури нисколько не трогали. Он был полностью поглощен подготовкой к главному вызову — предстоящему прослушиванию у Винсента.

<http://bllate.org/book/19005/1868804>